

В. И. Байдин*

**КИРША ДАНИЛОВ: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ
БИОГРАФИИ, ИСТОРИИ РОДА И СБОРНИКА
«ДРЕВНИЕ РОССИЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»**

СРЕДИ ПАМЯТНИКОВ русской словесности и культуры в целом, одно из выдающихся мест принадлежит «Древним российским стихотворениям» – знаменитому Сборнику Кирши Данилова (далее кратко – Сборник). Он содержит первые полные (к тому же нотированные) записи русских былин и исторических песен, а кроме того, – баллады, духовные стихи, песни лирического, сатирического и шуточного характера. С отсылок к Сборнику начинаются практически все исследования и публикации о русском эпосе и фольклоре, без упоминаний о нем не обходится большинство работ по истории и культуре России периодов Средневековья и перехода к Новому времени. С первого издания части книги в 1804 г., входящие в нее былинный и исторический эпос, лирическая, духовная и бытовая песенная поэзия служат бесценным источником для ученых-гуманитариев, в частности историков: начиная с Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и до современности. Они мощно питали и питают литературу (В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и др.), музыку (полученные от издателя «Древних русских стихотворений» 1804 г. образцы «старинной музыки на древние русские повести» появились уже в «Журнале отечественной музыки на 1806 год», затем к напевам Сборника обращались М. А. Стахович, Н. А. Римский-Корсаков и др. композиторы), изобразительное искусство. По значению для формирования национального самосознания Сборник Кирши Данилова находится в одном ряду с опубликованным четырьмя годами ранее «Словом о полку Игореве».

В дошедшей до нас копии Сборника 1780-х гг. начальный лист утрачен, и о том, что там стояло имя Кирши, известно со слов первого публикатора – А. Ф. Якубовича, приведенных К. Ф. Калайдовичем в предисловии ко второму, с воспроизведением нот, изданию 1818 г. По впервые высказанному им мнению, то же имя встречается в одной из песен, «где он сам себя именует Кириллом Даниловичем». Долгое время затем сведения об истории оригинала книги и биографии Кирши Данилова исчерпывались фразой из обнаруженного в середине XIX в. профессором Московского университета С. П. Шевыревым письма владельца уральских Невьянских заводов П. А. Демидова от 22 сентября 1768 г., сопровождавшего посланную академику Г. Ф. Миллеру историческую песню: «Я достал от сибирских людей, понеже туды всех разумных дураков посылают, которые прошедшую историю поют на голосу»¹. Текст и ноты ее полностью совпали с песней «Никите Романовичу дано село Преображенское» из Сборника. То

* *Байдин Виктор Иванович*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

¹ Из-за цензурных соображений полностью эта фраза, включая ее центральную часть, была опубликована после того, как считавшуюся утраченной рукопись Сборника вновь обнаружили в самом конце XIX в. Сборник Кирши Данилова / Под. ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901. Прил. 1. С. 195.

есть в 1768 г. он уже существовал, а Прокофий Демидов был, видимо, осведомлен об обстоятельствах жизни исполнителя, за пение «истории» попавшего в ссылку.

Почти два века десятки исследователей в России и за рубежом пытаются разгадать тайны Кирши Данилова и Сборника. В их работах – обилие предположений и догадок, не говоря о домыслах и сомнениях: от попытки фальсификации, предпринятой издателем «Сказаний русского народа» И. П. Сахаровым в первой половине XIX в. и выдвинутого в 1958 г. предположения датчина А. И. Стендер-Петерсена считать Сборник продуктом «сознательной редакции», стилизацией «под фольклор»², до недавних насмешек Ю. И. Смирнова над «грандиозным вымыслом о гениальном разъездном сказителе-скоморохе, разумеется почти интеллигенте, сделавшем <...> самозапись своего репертуара на добрую память потомкам»³.

Но как в начале XX в. считали: «Биография его совершенно неизвестна. Попытки исследователей извлечь из содержания сборника какой-либо биографический материал оканчивались неудачей»⁴; так и в последнем научном (2-м академическом) издании Сборника Кирши Данилова констатируется: «<...> личность его и по сей день остается загадкой. <...> Никакими документальными данными о Кирше мы не располагаем. <...> Почти ничего не зная о Кирше Данилове и питая слабые надежды узнать что-нибудь в дальнейшем...»⁵. Тем самым признавалась практическая исчерпанность в этом плане возможностей традиционных фольклористических, языковедческих, текстологических, музыковедческих методов изучения Сборника. Продолжались споры о месте его создания: называли и называют Сибирь в целом, ее юго-западную часть и, в частности, Алтай, Красноярский край, Урал (строгановские владения или демидовские заводы) и т.п.

Однако в свете архивных находок, сделанных крупнейшим современным исследователем творчества Кирши Данилова А. А. Гореловым и покойным екатеринбургским писателем-краеведом И. М. Шакинко в 1960-е и 1980-е гг., сомнения в существовании самого певца следовало считать развеянными; обозначился и примерный интервал, в который Сборник был создан на письме: 1742–1768 гг.⁶

² См., например: IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. М., 1962. Т. 1. С. 489–490, 500–506.

³ Смирнов Ю. И. «Эрланггейнская рукопись» и «Древнероссийские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» // Русско-сербские литературные связи XVIII–XIX века. М., 1989. С. 177, 194 и др.

⁴ РБС. СПб., 1905: Дабелов – Дядьковский. С. 78.

⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд., доп. / Подгот. А. П. Евгеньевой и Б. Н. Путиловым. М., 1977. С. 388, 389, 390. (Сер. «Литературные памятники»).

⁶ См. об этом: Горелов А. А. Цена реалии (Сборник Кирши Данилова – народная книга середины XVIII века) // Русская литература. 1963. № 3. С. 167–169; *Он же*. Кирша Данилов – реальное историческое лицо // Русский фольклор. СПб., 1995. Т. 28. С. 97–110; Шакинко И. М. Невьянская башня: Предания, гипотезы, история, размышления. Свердловск, 1989. С. 289–290; *Он же*. Кирша Данилов и Урал // Урал. 1989. № 12. С. 145–147; *Он же*. Таинственный Кирша // Уральский следопыт. 1992. № 8. С. 7–11. Во многом в результате анализа найденных И. М. Шакинко документов, их концентрации на коротком хронологическом отрезке А. А. Горелов в последнем, уже десятом, научно-популярном издании Сборника и первом полном, куда вошли все тексты целиком, без многочисленных многоточий и пропусков, отказался от прежней широкой датировки памятника и выдвинул версию изготовления книги по заказу А. Н. Демидова между 1742 и 1745 гг.

Необходимо отметить, что находки эти оказались, по разным причинам, признаны и замечены далеко не всеми учеными, занимающимися данной тематикой. Вместе с тем отрывочность вновь найденных Гореловым и Шакинко документальных свидетельств о пребывании Кирши Данилова на Урале, с одной стороны, породила некоторые поспешные ошибочные построения, с другой – жизненный путь Кирши в целом так и оставался непроясненным, как и обусловленные этим вопросы о времени, месте создания книги, ее авторстве, локализации отдельных произведений и многие другие.

Когда автор этих строк больше десятилетия назад обратился к личности и творчеству «последнего скомороха России», то в первую очередь занялся поиском новых фактов и упоминаний, которые относились или могли быть отнесены к Кирше Данилову, а также поиском и анализом материалов о его окружении. Эти изыскания осуществлялись одновременно с интерпретацией уже известных, пусть и очень отрывочных, данных о жизни певца и использованием для реконструкции биографии К. Данилова реальных текстов Сборника. С точки зрения историка-источниковеда возможности тех же текстов «Древних российских стихотворений» далеко не исчерпаны. Это касается, прежде всего, персонажей, топонимов, социальных, производственно-хозяйственных, топографических деталей песен шуточно-бытового содержания. Аналогичная информация содержалась в некоторых исторических песнях и былинах. Так, исходя из подобных деталей, как минимум, трех – четырех текстов можно было предполагать о происхождении Кирши из Нижегородского Поволжья и его проживании там до ссылки, хотя непосредственно Нижний Новгород во всей книге упоминается лишь единожды. И такой подход оказался достаточно результативным.

«Биографичность» отдельных произведений из состава Сборника получила убедительное подтверждение после того, как был найден Иван Сутырин, упоминаемый вместе с «Кирилой Даниловичем» в отмеченной еще К. Ф. Калайдовичем песне «Да не жаль добра молодца битова – жаль похмельнова»⁷, и рядом с «Кирилой Даниловым» – в обнаруженных в 1963 г. А. А. Гореловым фрагментах ведомостей о работе молотовых мастеров на ковке железа на Нижнетагильском заводе в 1756 г. Б. Н. Путилов, готовивший оба академических издания Сборника, воспринял эту находку с сомнением, не считал достоверно связанной с песней. Сам Горелов позднее с сожалением заметил: «В канцелярских уральских документах XVIII в. фамилия “Сутырин” более не встретилась»⁸. Именование оказалось производным от прозвища отца – Сутыря; официальная же, для документов, фамилия Ивана, молотового подмастерья, затем мастера из крепостных крестьян нижегородской Фокинской вотчины А. Н. Демидова, была Шерстобитов. Надо отметить, что многие факты из биографии И. М. Сутырина-Шерстобитова вполне соответствовали характеристике, в нескольких словах данной ему Киршей в песне: «А и не жаль мне-ка битова, грабленова, /А и тово ли Ивана Сутырина». Удалось установить даже вероятный день, в который эта песня появилась.

Поиск источников осуществлялся в архивохранилищах, библиотеках и музейных собраниях Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Тобольска, Нижнего Новгорода, Перми, Нижнего Тагила, Казани, Барнаула. Разыскания эти,

См.: Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым / Под ред. А. А. Горелова. СПб., 2000. С. 35–38.

⁷ Названия произведений Сборника и цитаты из них здесь и далее приводятся по изд.: Древние российские стихотворения... М., 1977.

⁸ Горелов А. А. Кирша Данилов – реальное историческое лицо. С. 107.

анализ и обобщение найденных сведений были весьма трудоемкими, так как пользовавшийся покровительством Акинфия Демидова и его приказчиков беглый ссыльный Кирша Данилов (каковым он стал после того, как перебрался из Сибири на уральские заводы) являлся фигурой глубоко законспирированной. Достаточно сказать, что в ревизские сказки по Невьянскому заводу в середине 1740-х гг. в качестве молотового мастера Кирша оказался записан вместо родившегося всего несколькими годами ранее, умершего молотового мастера с тем же именем, отчеством, и даже старое семейное прозвище которого (Торопов. – В. Б.) совпадало с родовым «прозвищем» певца. Биографическая легенда для него была, впрочем, подобрана еще раньше, видимо, с момента появления на Урале. Другой пример: во время работы следственной комиссии о пришедших на демидовских заводах в 1759 г. к семейству Кирши в Невьянске приписали оставшихся круглыми сиротами и старыми девами трех дочерей его «прототипа». Правда, их возраст пришлось уменьшить⁹. Несмотря на указанные обстоятельства и пять разных прозваний, прозвищ и фамилий, которые встречаются в документах: *Данилов*, *Бобоша (Бобошин)*, *Исаков*, *Никитиных (Никитин)*, *Торопов* (здесь и далее курсив мой. – В. Б.), – за всеми ими удалось идентифицировать Киршу Данилова, в главных моментах реконструировать уральский период его биографии с середины 1730-х гг. и установить годы жизни: около 1703–1776. Полученные результаты хорошо соотносятся с данными о Кирше, обнаруженными ранее А. А. Гореловым и И. М. Шакинко, и вполне объясняют имеющиеся в них неясности, а также позволяют исправить неточности, возникшие при толковании этих документов¹⁰.

Вот лишь основные эпизоды из уральского этапа жизни певца. Здесь Кирша Данилов появился не позднее начала 1735 г. В январе следующего года постоянный житель и работник Нижнетагильского завода, тогда еще молотовой подмастерье Кирилл Данилов упоминается как свидетель драки на местном кабаке, предшествующей избиению и ограблению целовальника. Интересно, что в этой ситуации Кирша пытался предотвратить ссору. В том же 1736 г. в семье певца появился на свет мальчик Иван. В 1737 г., по словам Кирши, А. Н. Демидов «отдал ево сыну своему Григорию в музыканты и жил при нем <...> у Соли Камской, и в <...> 1739 году, по зиме, приехал с оным хозяином своим на <...> Демидова заводы». Летом этого года Кирилл Данилов приезжал из Нижнего Тагила на Невьянский завод, где был «удержан здесь его благородием Григорием Акинфиевичем за некоторым делом»¹¹. (Сам Акинфий Демидов с начала июля 1739 г. уезжал из Невьянска на 4 месяца,¹² очевидно, в Западную Сибирь и на Алтай). Затем певец надолго и тяжело заболел. По выздоровлению, увидевшись, судя по

⁹ От такой своеобразной «нагрузки» Кирша, очевидно, быстро избавился, пристроив женщин (по крайней мере, о двух из них это известно совершенно точно) замуж за своих знакомцев и приятелей – вдовцов с детьми в разных местах.

¹⁰ См.: *Байдин В. И.* «Последний скоморох» Кирша Данилов на Урале и в Невьянске. О времени и месте создания сборника «Древние российские стихотворения» // Очерки истории культуры и быта старого Невьянска. Люди, памятники, документы (К 300-летию города). Екатеринбург, 2001. С. 73–99; *Он же.* Идентификация Кирши Данилова на Урале // Материалы 1-й уральской родоведческой научно-практической конференции (15–16 ноября 2001 г.). Екатеринбург, 2003. С. 156–160.

¹¹ Нашедший данную не датированную точно, но относящуюся, видимо, к июлю 1739 г. записку И. М. Шакинко полагал, что это происходило в Соликамске, где большей частью проживал Г. А. Демидов.

¹² См.: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 4. Л. 71–71об., 134 об. и др.; Д. 12. Л. 5, 7, 9 и др.

всему, с приехавшим в конце февраля 1740 г. на Нижнетагильский завод Акинфием Никитичем, Кирша самовольно, «без ведома этого дворянина Демидова», отправился к Григорию Акинфиевичу в Соликамск. По дороге он на две с половиной недели остановился у своего двоюродного (с материнской стороны) брата Федора Сергеева Борисова – молотового подмастерья, принадлежавшего тогда К. А. фон Шембергу Туринского завода. Управлявший им немец К. Г. Фогт даже снабдил Киршу пропуском до Верхотурья. В городе, куда К. Данилов «заходил по обещанию праведному Симеону (Верхотурскому. – В. Б.) помолитца», он провёл пять недель, кормился шитьем обуви и, вероятно, пел. Собиратели былин и ученые-фольклористы, кстати, считали сапожное ремесло одним из наиболее благоприятных и типичных для сохранения и бытования традиций эпического исполнительства. В последних числах апреля 1740 г. как «пришлый без пашпорту» Кирша был задержан на дороге от Верхотурья к Соликамску и доставлен в контору казенного Лялинского медеплавильного завода. На допросе он изложил свою биографическую легенду и «под крепким караулом» был отправлен в Екатеринбург, в Канцелярию главного правления Сибирских и Казанских заводов. Из тюрьмы при ней певца практически сразу же вызволил (с предписанием заводчику за самовольный уход высечь плетью) екатеринбургский поверенный А. Н. Демидова, заявив, что «за <...> Демидовыми оной <...> написан», работает «в молотовых мастерах при ковке железа» на Нижнетагильском заводе, имеет там дом, жену и детей. В апреле 1742 г., накануне своего отъезда в Европейскую Россию, Акинфий Демидов приказал нижнетагильскому приказчику Миرونу Попову, ведавшему населением этого и соседних заводских поселений, «непрерменно» отослать туда же на судах железного каравана «Киршу Даниловича¹³ и с тарнобоем» (по В. И. Далю, – 8-ми струнным музыкальным инструментом в горах Пермской губернии). По каким-то причинам приказ заводчика исполнен не был, и в начале июля в Нижнетагильскую заводскую контору из главной Невьянской поступило распоряжение: «шатающихся без паспортов» Кирилла Бобошу и некоего Алексея Долгова доставить скованными под конвоем в Невьянск. В конце 1742–1743 г. Кирша, по-видимому, находился при Акинфий Никитиче в Туле: в Сборнике присутствует отчетливо выраженный «тульский след»¹⁴. Еще и в первые месяцы 1744 г. певец на уральские демидовские заводы не вернулся. В 1747, 1749 и 1756 гг. Кирша проходит по разным документам в качестве молотового мастера Нижнетагильского завода; в конце 1747 г. называется в связи с составлением исповедных росписей и списков старообрядцев заводского поселка; в 1751 г. «житель из раскольников» Кирилло Бобошин был обращен в лоно официальной церкви.

¹³ Уважительное именование А. Н. Демидовым в обоих его обнаруженных И. М. Шакинко письмах с упоминанием певца: указанном (правда, по мнению писателя, которое одно время разделял А. А. Горелов, после публикации моих первых тезисов по данной теме занявший более осторожную позицию, – речь шла об отправке К. Данилова на алтайские Кольвано-Воскресенские заводы) и майском 1741г. в Нижнетагильскую заводскую контору – по отчеству, с – *вичем*, чего даже доверенные демидовские приказчики удостоивались в редчайших случаях, – свидетельствует, что и после фактического побега в 1740 г. Кирша по-прежнему пользовался благорасположением заводчика.

¹⁴ См., например: *Байдин В. И.* «Крым» и «Азов» в Сборнике Кирши Данилова (к вопросу об источниках текстов: взгляд историка) // Россия – Крым – Балканы: диалог культур: Науч. доклады международной конференции (Севастополь, 6–10 сентября 2004 г.). Екатеринбург, 2004. С. 290–291.

Приблизительно в 1758 г., после завершения раздела наследников А. Н. Демидова, овдовевший к тому времени во втором браке К. Данилов с недавно женившимся сыном Иваном переведен на отошедший Прокофию Демидову Невьянский завод, на котором они были записаны в ревизские сказки еще по 2-й подушной переписи. Здесь Кирша Данилов скончался в возрасте около 73 лет в 1776 г. Шестью годами ранее, уже при новом владельце завода С. Я. Яковлеве, его сын с семьей «отдан з зачетом в рекруты на поселение» в Сибирь.

В пользу грамотности Кирши Данилова предположительно высказывались многие авторы: П. Н. Шеффер, М. К. Азадовский, В. Я. Пропп и другие. Последовательным и убежденным сторонником такой точки зрения являлся А. А. Горелов. Однако неграмотность Кирши в его «ипостаси» невянского молотового мастера Кирилла Никитиных подтверждается официально (1759 г.). Не противоречат этому и косвенные данные. Наблюдения над составом и структурой Сборника, давно отмеченное музыковедами наличие в нем в разной степени взаимосвязанных и разновеликих тематических, жанровых, ритмико-мелодических групп текстов и напевов, позволили считать «Древние российские стихотворения» результатом выполнения заказа по записи репертуара певца. Записи, осуществленной в несколько (видимо, даже значительное число) приемов, но все же в относительно ограниченный отрезок времени. А сведения о семействе Кирши и о деталях биографий других персонажей отмеченной выраженным авторским началом шуточной песни «Свиньи хрю, поросята хрю» (одна из последних в книге: 67-я из 71 текста), – сделать заключение о создании на письме Сборника на Невьянском заводе в 1761–1762 гг. Заказчиками и (или) владельцами оригинала являлись, скорее всего, представители известной местной предпринимательской семьи Харитоновых, регулярно бывавшие в Москве и даже записавшиеся с 1755 г. в тамошнее купечество, но оставшиеся проживать в Невьянске¹⁵.

Появление книги именно на Урале во многом закономерно. Наряду с городами, промышленными селениями Центральной России, крупнейшими ярмарочными центрами, горнозаводские поселки, подобные Нижнетагильскому и Невьянскому, стали в XVIII в. своеобразными «тиглями», где рождался тот сплав старого и нового в культурно-бытовой сфере жизни, который искусствоведы и культурологи в начале 1980-х гг. назвали примитивом (без какого-либо уничижительного оттенка, просто по сравнению с «высоким», учено-артистическим уровнем), или «третьей культурой». (Еще раньше, в 1920-е гг., сходную концепцию «областных культурных гнезд» выдвигал литературовед Н. К. Пиксанов).

В отношении предшествующего уральскому этапу биографии К. Данилова есть все основания полагать, что большую часть своего пребывания в Сибири сосланный «в дальние сибирские города на вечное житье» певец провел на Колывано-Воскресенском заводе А. Н. Демидова на Алтае. Только здесь Кирша в тот период мог получить рабочую квалификацию, которая зафиксирована у него после появления на уральских демидовских предприятиях. Даже пробелы в его профессиональной подготовке в качестве молотового мастера, отмеченные в источниках, обусловлены производственной спецификой медеплавильного Колывано-Воскресенского завода. Для работы на нем, в отличие от Урала, где монополией на использование труда ссыльных обладала в это время казна, Демидов

¹⁵ См.: Байдин В. И. Еще раз о времени и месте создания оригинала Сборника Кирши Данилова // Дергачевские чтения – 2002: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы междунар. науч. конференции. Екатеринбург, 2004. С. 11–17; см. также: Материалы для истории московского купечества. М., 1885. Т. 2. Ч. 2. С. 130.

имел право нанимать кого угодно, включая беспаспортных и беглых. И ссыльно-поселенцы («присыльные») на Колывани работали¹⁶. Прямые документальные свидетельства нахождения Кирши Данилова в сибирской ссылке пока, увы, отыскать не удалось. Тем не менее законодательство о ссыльных, делопроизводственные материалы горнозаводских и сибирских воеводских канцелярий, приходо-расходные книги Колывано-Воскресенского завода, производственно-финансовые документы, сведения по учету населения завода, деловая переписка А. Н. Демидова первой половины 1730-х гг. и другие источники, в сочетании с содержанием текстов и куплетов некоторых песен Сборника, позволяют выстроить непротиворечивую версию этого этапа жизни певца, в отдельных моментах – чуть ли не по дням. В свою очередь, конкретные обстоятельства и перипетии данного периода биографии Кирши неплохо объясняют наличие в его репертуаре двух уникальных сибирских казачьих песен, донских песен и фрагментов разинского фольклора, большей частью известных тоже только по Сборнику, а также сибирские (в том числе – алтайские) реалии в текстах нескольких произведений, включая былины.

Все сосланные в Сибирь в первой половине XVIII в. прибывали сначала в Тобольск. Полагаю, что как раз здесь пересеклись пути Кирши и группы донских казаков, приговоренных к каторге за попытку побега из крепости Новый Транжемент к ушедшим в турецкие владения на Кубань участникам восстания Кондратия Булавина (некрасовцам). Семеро донцов прибыли в тобольский тюремный острог поздней осенью 1728 г. и оставались там до лета 1730 г., когда их отправили на работы на уральские казенные заводы. Многие из услышанного от них было использовано певцом в составе его основного урало-сибирского репертуара. В феврале 1762 г. Кирша вновь оказался «в Тобольску провожатым за посланными в Нерчинск», то есть сопровождая отправленных с Невьянских заводов П. А. Демидова по указу 1760 г. о ссылке в Сибирь. Сейчас нет уже никаких сомнений, что именно после возвращения из Тобольска оригинал рукописи «Древних российских стихотворений» был дополнен помещенными в самом конце былинной «О станишниках или разбойниках» («Илья Муромец и разбойники»), близкой к вариантам, несущим, по мнению Б. Н. Путилова, «яркий отпечаток южнорусского (казачьего. – В. Б.), позднего эпического творчества»; и двумя историческими, явно донскими, песнями: «О атамане Фроле Минеевиче» (других записей нет) и «О Стеньке Разине». От последней в дошедшей до нас копии книги сохранилось только начало, совпадающее с началом песни «По край моря синего стоял Азов-город» Сборника. Видимо забытые, а потом вспомнившиеся, они (о чем неоднократно писали фольклористы и музыковеды) как бы «выпадают» из достаточно последовательной жанровой и общей музыкально-композиционной структуры Сборника, хотя используемые в них напевы для него обычны¹⁷. Даже ноты к трем последним текстам книги выполнены, как считают, иным музыкантом, чем к остальным произведениям, где они сделаны еще двумя писцами вперемежку¹⁸.

¹⁶ Байдин В. И. Кирша Данилов и Родион Набатов // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С.135–156; ГААК. Ф.1. Оп.1. Д. 28. Л. 412.

¹⁷ См.: Байдин В. И. «Крым» и «Азов» в Сборнике... С. 291–293.

¹⁸ Якубовская Е. И. «История на голосу...» // Древние российские стихотворения... СПб., 2000. С. 393–394. Предположение Якубовской о записи нот изначально тремя разными людьми мне представляется более убедительным, чем мнение Б. М. Добровольско-

Знакомство Акинфия Демидова с Киршей Даниловым состоялось, вероятно, поздней весной 1731 г. в западносибирском городе Таре, где заводчик проживал какое-то время в недавно купленном и срочно благоустроенном дворе. (Сохраняется гипотетическая возможность того, что они могли встречаться и раньше, в Поволжье). Из Тары Демидов отправился на Колывано-Воскресенский завод, а Кирилл Данилов с партией ссыльных – в Томск. Несколько месяцев Кирша провёл, похоже, в Томске, затем перебрался на Колывань. В начале лета 1732 г. сюда приезжали А. Н. Демидов со средним сыном Григорием; тогда последний, по видимому, и познакомился с певцом. Еще один приезд Акинфия Никитича аж из Европейской России на алтайский завод, – тайный, с организацией настоящей «операции прикрытия», – имел место осенью 1734 г., когда он проведal о планируемом изъятии предприятия в казну (в этот раз временном: в 1737 г. его Демидову вернули). Вскоре, не позднее второй половины декабря 1734 г., Кирша покинул Алтай, став тем самым беглым ссыльным. В конце декабря на Колывано-Воскресенский завод прибыла команда во главе с кузнецким дворянином П. Мельниковым, осуществившая перепись работающих на нем. Но Кирилла Данилова здесь уже не было¹⁹.

При создании изложенной версии – реконструкции сибирского этапа жизненного пути Кирши Данилова, в качестве одного из источников мною привлекались сведения из подробнейших путевых описаний участника 2-й Камчатской (Великой Сибирской) экспедиции академика Г. Ф. Миллера, относительно недавно переведенные с немецкого языка и опубликованные новосибирским историком А. Х. Элртом. Всего несколько лет спустя после Кирши Миллер не раз проезжал теми же дорогами; на Колывано-Воскресенском заводе ученый вообще побывал, когда там, по расчетам, еще находился певец. Поэтому миллеровские материалы оказалось возможным использовать также для проверки некоторых приведенных выше построений, а в каких-то моментах их даже дополнить.

Особенно наглядно это проявляется при сопоставлении с путевыми записями академика содержания песни «Ермак взял Сибирь» – завершающей части сотворенной Киршей поэтической трилогии – биографии Ермака. Из всех (около 70) зафиксированных в XVIII–XX в. русских исторических песен о Ермаке, только в ней имеется описание самого «Сибирского взятия». Уже довольно давно в специальном исследовании о песнях «Ермакова цикла» Сборника А. А. Горелов, скрупулезнейшим образом сравнив текст «Ермак взял Сибирь» с летописями, в том числе сибирскими, и поздними местными фольклорными материалами (Горелов пользовался и знаменитой «Историей Сибири» Г. Ф. Миллера), пришел к выводу: в основу песни положены усвоенные Киршей на Урале и в Сибири пре-

го (см.: Древние российские стихотворения... М., 1977. С. 412.), что они выполнены одним лицом, и лишь при изготовлении копии Сборника нотописцев стало трое.

¹⁹ Подробнее см.: Байдин В. И. Как познакомились Акинфий Никитич с Кириллой Даниловичем: версия о пребывании Кирши Данилова в Сибири и его встречах там с А. Н. Демидовым // ПИР. Вып. 6: От Средневековья к Современности. Екатеринбург, 2005. С. 171–217. В связи с упомянутыми ранее «творческими командировками» Кирши в Соликамск «в музыканты» при Г. А. Демидове и в Тулу с А. Н. Демидовым, нельзя не отметить, что обе они синхронны проводившимся в те же годы на уральских демидовских заводах переписям пришлых и старообрядцев. И это тоже свидетельствует об особой заботе о ссыльном певце до его легализации под именем умершего человека в ходе 2-й ревизии.

дания о Ермаке²⁰. Сейчас к этому заключению можно уверенно добавить, что слышанные Киршей легенды и предания часто как бы «накладывались» на его собственные впечатления и наблюдения, интерпретировались в соответствии с ними (и в меру собственных его понимания и памяти).

Путевое описание Г. Ф. Миллера

«От аула Sauskan <...> Иртыш образует большую излучину на запад на расстояние в 20 и более верст. А по прямой сухопутной дороге <...> лишь 600 обычных шагов <...> Речка Сибирка <...> Немного ниже устья этой речки <...> стояла старая сибирская столица <...> Хан Кучум имел здесь свою резиденцию...»²¹.

«Ермак взял Сибирь»

«В то же время пришел атаман Ермак Тимофеевич тою лукою Соуксанскую. Дошел до ус[т]ья Сибирки-реки и в то время полонил Кучума – царя татарскова»²².

Из Тобольска ссыльных по Сибири рассылали уже с местным конвоем, обычно из казаков. И когда летом 1730 г. Кирилл Данилов плыл к Таре вверх по Иртышу под парусом на дощанике, или, при противном ветре, тянул судно вместе с другими ссыльными бичевой, он, как и Миллер в 1734 г., слышал, очевидно, от служилых людей и местных жителей (проводники-лоцманы из которых при таких плаваниях постоянно менялись) предания о героических начальных страницах русской истории Сибири, видел остатки столицы Сибирского ханства. И точно так же, как ученого, его поразила и запомнилась причуда природы – Саусканская излучина (лука) Иртыша.

На излучине, писал Миллер, находился аул Sabanak, получивший название от того, что «знатнейшая бухарская²³ семья деревни называется Сабанак. Глава этой семьи командовал всеми здешними татарами, как ясачными, так и служилыми. Однако <...> он умер...»²⁴, то есть скончался недавно. Четырьмя годами ранее он, видимо, был еще жив. Потому-то у Кирши, тоже здесь побывавшего, в песне Ермак «на место Кучума-царя утвердил Сабанака-татарина и дал ему полномочие владеть ими» (сибирскими татарами. – В. Б.). Список подобных совпадений между содержанием разных путевых описаний Миллера и песней «Ермак взял Сибирь» у Кирши, основанных на виденном и слышанном ими обоими в Западной Сибири, легко продолжить.

²⁰ См.: Горелов А. А. Трилогия о Ермаке из сборника Кирши Данилова (полемиические заметки) // Русский фольклор. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 353–372 и др.

²¹ Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на реке Иртыше и возле него вверх от города Тобольска // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / Изд. подгот. А. Х. Элерт. Новосибирск, 1996. С. 76–77.

²² В используемом издании эта часть текста песни приводится в прозаической форме. Разбивку на стихотворные строки см., например, в последнем издании Сборника. Древние российские стихотворения... СПб., 2000. С. 126–128 и след.

²³ Бухарцы – поселившиеся в Западной Сибири выходцы их Средней Азии, в основном из Бухарского ханства.

²⁴ Описание городов, крепостей, острогов... С. 76.

Самое интересное, что Г. Ф. Миллер и Кирилл Данилов, судя по всему, встречались, а академик слышал исторические, а возможно и другие, песни в исполнении Кирши. Первый раз, вероятно, в августе 1734 г. во время пребывания участников академического отряда экспедиции на алтайском Колывано-Воскресенском заводе, где певец тогда жил и работал. И, практически определенно, в июньские дни 1741 г. в Невьянске²⁵, когда там находился и сам Акинфий Демидов. Не случайно в 1768 г. Миллер в Москве в поисках песни «Никите Романовичу дано село Преображенское» («Гнев Ивана Грозного на сына») обратился именно к унаследовавшему Невьянский завод Прокопию Акинфиевичу. Это одна из наиболее популярных русских исторических песен, известная более чем в 60-ти записях²⁶. Но только киршевский ее вариант содержит подробности, особенно занимавшие Миллера в силу его тогдашних ученых занятий: он готовил к изданию Судебник 1550 г. (Судебник Ивана Грозного) и его, в частности, интересовал вопрос о тарханах²⁷. А «грамота тарханныя» из всех записей песни упоминается единственно в Сборнике. Подтверждает сказанное и письмо П. А. Демидова, приложенное к песне: «Милостивый государь Федор Иванович (так на русский манер называли Герарда Фридриха Миллера. – В. Б.), в присутствии ваше у меня благоволил мне приказат[ь] прислать о селе Романове, а ныне называется с чево Преображенским...»²⁸. В оригинале Сборника входящие в него тексты озаглавлены не были, названия у них появились только при создании копии. Село Романовское, ставшее Преображенским, встречается, опять же, лишь в «Древних российских стихотворениях». То есть Миллер в 1768 г. разыскивал вполне конкретный вариант песни, ранее им слышанный. В результате получается, что в 1741 г. Кирша, видимо, приезжал с Нижнетагильского завода на Невьянский и выступал здесь в присутствии Миллера.

...Ограниченный объем данных заметок заставляет при дальнейшем изложении ограничиться лишь отдельными «штрихами», позволяющими обозначить некоторые другие (далеко не все) аспекты темы. Почти любой из них может послужить сюжетом специальной, а то и не одной, научной статьи.

В ходе работы относительно быстро стало ясно, что понимание особенностей состава и содержания Сборника, помимо реконструкции биографии Кирши Данилова, вряд ли возможно без воссоздания истории его рода певцов-скоморохов и музыкантов. Ведь сам он был, по предварительным прикидкам, – если считать от профессионального скомороха с посада Белоозера рубежа XVI–XVII в., – потомственным певцом-потешником в шестом поколении²⁹. Недавно эту прямую родовую преемственность удалось подтвердить сведениями из писцовых, свозных, переписных книг первой половины XVII в. по Владимиру и Суздалью, где предки Кирши прожили несколько десятилетий рядом с довольно многочислен-

²⁵ См.: *Элерт А. Х.* Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. Приложения: Маршрут сибирского путешествия Г. Ф. Миллера и даты его пребывания в населенных пунктах. С. 152.

²⁶ Исторические песни XIII–XVI веков / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М., Л., 1960. С. 287–454 (№ 200–260), 654–664 (Коммент.).

²⁷ См.: *Миллер Г. Ф.* Автобиография // Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 154; *Смолицкий В.* Новое издание Сборника Кирши Данилова // ВЛ. 1979. № 2. С. 268.

²⁸ Сборник Кирши Данилова. СПб., 1907. Прил. 1. С. 125.

²⁹ По данным фольклористов и этнографов конца XIX–XX в. передача сказительско-песенного мастерства и усвоение репертуара могли происходить не только через родственные, но и земляческие, соседские и прочие отношения. Что, впрочем, можно наблюдать на примере биографии самого Кирши Данилова.

ными здесь скоморохами. Тем самым получило объяснение наличие в «Древних российских стихотворениях» как владими́ро-суздальских реалий в некоторых текстах, так и целых песен с местным «колоритом», являющихся яркими, а то и уникальными, образцами скоморошьего творчества. Родословная певца прослеживается еще более чем на век вглубь от упомянутого белозерского скомороха: на бывших новгородских землях Олонецкого перешейка между Ладожским и Онежским озерами. Материалы сошного письма по Заонежской половине Обо-нежской пятины свидетельствуют, что *веселы е* (еще одно старое русское название скоморохов) являлись обычными, можно сказать обязательными, фигурами в северной деревне конца XV–XVI в.

Характерно, что в Сборнике наличествует полный набор былин новгородского цикла русского эпоса³⁰, зачастую – в лучших, наиболее полных и художественно мотивированных вариантах. И (тоже лучший среди немногих известных записей) текст былинно-баллады скоморошьего происхождения «[Про] гостя Терентиша»³¹, сохранивший действительную топографию средневекового Новгорода. Есть в произведениях Сборника и другие детали и подробности, позволяющие говорить о его именно новгородско-прионежских «корнях».

Трагические события отечественной истории конца XVI – начала XVII в.: Ливонская война, на последнем этапе которой одним из театров военных действий стали Заонежские погосты, русско-шведская война 1590–1595 гг., Смута, буквально разметали по России киршевских предков из Прионежья и с Белоозера. «В немецкую и в литовскую войну, и от казаков многие крестьяня з женами и з детьми побиты и двory их сожжены, и животы поиманы без остатка»³², – сообщали в челобитной поп и дьячок волости Озера Веницкого (Ильинского в Веницах на Ояти) погоста, описывая ситуацию там в 1616–1619 гг. Еще больше крестьян, как и почти все предки К. Данилова (это и была их «малая родина»), покинули здешние места. А вот строки из писцовой книги по Белоозеру 1618 г.: «На Белоозере за городом на посаде на площади <...> церкви и кельи, и избы, и двory, и тюрьмы сожгли литовские люди»³³. В Андреевском сороку (подразделение, квартал на посаде. – В. Б.) обе приходские церкви и 12 келий при них «сожгли литовские люди». Рядом – «(м)³⁴ *Офонкинское Торопова* да (м) Харито[нко]вское Вареникова, померли в лихолетье, жен и детей не осталось»³⁵. <...> В

³⁰ Ср.: Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978. (Сер. «Литературные памятники»). Акад. В. Ф. Миллер («Очерк истории русского былинного эпоса») относил к новгородским по происхождению более широкий, чем считается сейчас, круг былин и былин-новелл, многие из которых лишь «впоследствии внесены в так называемый киевский цикл». См.: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М.; Л., 1924. Т. 3: Былины и исторические песни. С. 7, 36–41, 56–57 и др. Однако и этот набор эпических произведений и сюжетов практически весь представлен на страницах Сборника Кирши Данилова.

³¹ Е. К. Ромодановская отмечает: «Новгородские былины среди ранних сибирских записей встречаются почти исключительно у Кирши Данилова»; имеются поздние фиксации отдельных сюжетов на Колыме и Индигирке, где в условиях фактической культурной изоляции в труднодоступной местности с XVII в. «законсервировались фольклорные памятники, принесенные первыми поселенцами». См.: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 427, 425.

³² РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Кн. 743. Л. 817.

³³ ОПИ ГИМ. Ф.113. № 9. Л.22–22об.

³⁴ Делопроизводственное сокращение в писцовых книгах от слова «место».

³⁵ На самом деле Афонька Фомин сын Торопов не умер, а оказался вполне жив-здоров. Он с семьей объявился сначала, видимо, в Суздале, а затем перебрался во Влади-

Заболотке: <...> (м) пусто Фоки-диякона ондреевского, ссекли литовские люди. В Телегине улице: <...> (д)³⁶ пуст посадцково человека Гаврилка Ермакова, с разоренья сшел безвесно, был рыболов. (д) пуст *Мартынка Торопова – сына скомороха*, сшел безвесно в 125-м (1616/17. – В. Б.) году. (д) бобыльской Панки Клементьева, ходит по миру. (м) пусто каменщика Онфимка, сшол к Москве до разорения, а жил в Даниловской слободе»³⁷.

Во второй половине XVII в. большая часть рода певца воссоединилась в Нижегородском Поволжье, где некоторые Тороповы обосновавшись в дворцовых заволжских деревнях еще в 1620-е гг. Добралась она сюда, вероятно, через Вятку³⁸, обойдя с севера и востока охваченные гражданской войной центральные районы страны.

Длительное проживание их в Поволжье наложило отпечаток на содержание даже былин новгородского происхождения. Так, Садко в первой былине Сборника о нем предстает не бедным гусяром, а как «волжский сур» – удалой молодец (на что давно обращено внимание исследователями), приехавший в Новгород с Волги. Он говорит: «я гулял на Волге двенадцать лет, / Со вершины знаю и до ус[т]ья ее, / А и нижняя царства Астраханскова». Богатырь Василий Буслаев отправляется в Иерусалим («Василий Буслаев молиться ездил») по Волге и Каспию: «побежали по морю Каспицкому. / Будут оне в Ердан-реке». Б. Н. Путилов писал в комментариях к академическим изданиям: «Водный путь из Новгорода в Иерусалим, описанный в былине, фактически невозможен. <...> Но важно то, что Васька Буслаев, отправляясь в Каспийское море, повторяет путь, обычный для новгородских ушкуйников...»³⁹. Однако какие-либо известия о плаваниях ушкуйников по Каспию отсутствуют. Практически во всех походах на Волгу их действия ограничивались бассейном верхней, частично средней Волги и Камы с их притоками. Есть лишь упоминание о неудачной попытке плавания большого отряда, сменившего в Булгаре ушкуи на насады, в 1375 г. вниз по Волге к Сараю, где он был перебит («Астороканцы же всех избиша»)⁴⁰. И все-таки описанный в былине путь в Иерусалим, по крайней мере частично по воде, существовал. Им, например, в 1668 г. по Волге до Астрахани, а затем Каспийским морем, видимо, до Терского городка, откуда затребовали бусы (морские суда), возвращался с собора Русской церкви 1666–1667 гг. Антиохийский патриарх Макарий, реально проживавший в Дамаске, то есть совсем рядом с Иерусалимом. Из-за русско-польской войны за Украину почти этим же путем Макарий вместе с другим «все-

мир, где занялся огородничеством и торговал в лавке в рядах. В 1646 г. А. Ф. Торопов записан во владимирские посадские. РГАДА. Ф.1209. Оп. 1. Кн. 71. Л. 141., 162 об., 229–229 об., 232 об.; Ф. 137. Суздаль. №1. Л. 67 об.–68; Владимир. № 7. Л. 20–20 об.

³⁶ Еще одно делопроизводственное сокращение от «двор».

³⁷ ОПИ ГИМ. Ф.113. № 9. Л. 55–56, 57 об.

³⁸ Имеются отрывочные свидетельства документов о появлении Тороповых на Вятке примерно в начале XVII в. и их проживании в Хлынове. Есть в Сборнике и тексты явно скоморошьей стилистики, происхождение которых достаточно определенно локализуется (в том числе и через персоналии, встречающиеся одновременно в местных писцовых книгах) вятскими землями. Профессиональных же веселых в одном Хлынове по переписям 1610–1620-х гг. насчитывалось больше полудюжины. Причем некоторые из них обитали в непосредственном соседстве с Тороповыми.

³⁹ Древние российские стихотворения... М., 1977. С. 440–441.

⁴⁰ См.: *Мавродин В. В.* Русское мореходство на южных морях (Черном, Азовском и Каспийском с древнейших времен и до XVI века включительно). Симферополь, 1955. С. 135–136; *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 42–44.

ленским» православным патриархом, – Паисием Александрийским, – добирались и на сам собор из ближневосточных владений Турции через Месопотамию, Тифлис до Шемахи, а оттуда морем до Астрахани (бусу и служилых людей за ними прислал терский воевода И. Ржевский)⁴¹. Нет никакого сомнения, что в былине Сборника, как плавание Василия Буслаева «со ево дружиною хороброю» в Иерусалим, на самом деле описан реальный путь по Волге и морю до Терков и обратно. Автор такой интерпретации содержания второй былины о Васье Буслаеве данную водную дорогу явно неплохо знал.

Судя по всему, кто-то из родственников Кирши находился среди почти 30 «людей» боярина Артамона Сергеевича Матвеева, сопровождавшего того в период опалы, а затем ссылки в Пустозерск и на Мезень в 1676–1682 гг. Наиболее вероятной такой фигурой является, на данный момент, пятиуродный дед Кирши Данилова Осип Никитин сын Торопов. Помимо соответствующих этому предположению некоторых обстоятельств его жизни, он – единственный из всех подходящих по возрасту Тороповых отсутствует в нижегородских краях по данным писцовых книг второй половины 1670-х гг. Вновь здесь О. Н. Торопов объявился после освобождения А. С. Матвеева из ссылки и последовавшей вскоре гибели боярина на стрелецких копьях в ходе восстания в Москве в 1682 г. Скончался Осип во второй половине 1730-х гг. на уральском Иргинском заводе Осокиных (близ современного г. Красноуфимска), когда ему было около 90 лет⁴².

Среди «доставшихся» от Осипа Никитича текстов, три исторических и одна лиро-эпическая песня находятся в Сборнике рядом и составляют своеобразный отдельный раздел, хорошо соотносящийся с фактами биографии бывшего «ближнего боярина» царя Алексея Михайловича и «друга Сергеевича»⁴³, как называл Матвеева в личной переписке сам монарх. К «Матвеевскому циклу» Сборника примыкает еще несколько песен: сюжетом одной из них («На литовском

⁴¹ См.: Тушин Ю. П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII в.). М., 1978. С. 69–70; Соловьев С. М. История России с древнейших времен // С. М. Соловьев. Соч. М., 1991. Кн. 6. Т. 11. С. 245–247, 273; Фонкич Б. Л. Мелетий Грек // Россия и христианский Восток. М., 1997. Вып. 1. С. 168; Гиббенет Н. А. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб. 1884. Ч. 2. С. 830–831, 834, 841–847, 910–913. Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982. С. 163–164.

⁴² С этим своим дедом Кирша мог общаться в Нижегородском Заволжье до ссылки в Сибирь в конце 1720-х гг. О популярности даже среди старообрядческой верхушки Иргинского завода (где остались сын и несколько взрослых внуков О. Торопова) в начале 1740-х гг. «козлогласования», т.е. исполнения светских песен, имеется свидетельство современника. См.: Байдин В. И. Кирша Данилов и Родион Набатов. С. 127–128. У потомков О. Н. Торопова традиции песенно-сказительского исполнительства сохранялись долго. Записи, сделанные, возможно, от одного из них в Камышловском уезде Пермской губернии, в т.ч. и «песни былевые», публиковались в конце 1860–1870-х гг. и имеют достаточно много совпадений с репертуаром Кирши Данилова, отраженным в Сборнике.

⁴³ Так, своей заслугой Матвеев считал спасение русской армии в ходе отступления к Путивлю после поражения в сражении под Конотопом («Под Канатопом под городом») в 1659 г. Подробнее см.: Байдин В. И. «Крым» и «Азов» в Сборнике... С. 289–291. Во время осады Риги в 1656 г. («Под Ригию стоял царь-государь», варианты неизвестны) Артамон Сергеевич командовал стрелецким Стремянным полком; рождение в 1672 г. царевича Петра («Светел – радощен царь Алексей Михайлович») второй женой царя Н. К. Нарышкиной, воспитанницей Матвеева, означало для последнего вершину карьеры и близости к царской семье. А лиро-эпическая «Когда было молодцу пора-время великая» обротно повествует о падении боярина-«правителя» после смерти Алексея Михайловича.

рубиже», больше записей нет) послужили, вероятно, драматические перипетии молодости разделившего с Матвеевым тяготы ссылки учителя его сына белорусского шляхтича И. Л. Поборского; в других встречаются пересказы фрагментов, детали, реминисценции из литературных произведений. А. С. Матвеев считался одним из просвещеннейших людей своего времени и повез с собой из Москвы целую библиотеку. Помимо книг из нее долгими полярными днями и ночами в окружении ссыльного боярина читали, видимо, и другие сочинения. Давно показано, что не имеющее вариантов начало духовного стиха «Голубина книга сорока пядень» из Сборника заимствовано из выдающегося памятника древнерусской литературы «Повесть о Горе-Злочастии», а песня «Ох, в горе жить – некручинну быть» – лирическая композиция, навеянная «Повестью»⁴⁴. А. М. Панченко установил, что пересказ начала «Повести» содержится в пустозерском послании протопопа Аввакума 1672 г.⁴⁵ Близ бывшего Пустозерска, в селении Великая Виска, Н. Е. Ончуков в 1902 г. записал песню (*старину* по-местному) «Горе», включающую явные цитаты из «Повести»⁴⁶. Этот факт остался исследователями незамеченным. И здесь же Ончуковым сделаны две записи небылицы-скоморошины «Про щуку из Белого озера» (другие неизвестны), восходящие, скорее всего, к родовому репертуару Кирши: вспомним белозерского скомороха рубежа XVI–XVII вв. По документам XVII в. неплохо прослеживаются связи предков великовискинских старинщиков, с одной стороны, с окружением ссыльного Матвеева, с другой, – с людьми, через которых осуществлялись контакты пустозерских узников – идеологов староверия, с внешним миром. Получается, что в Пустозерске в конце 1660-х – 1670-х гг. обращался список «Повести о Горе-Злочастии»; содержание ее отразилось в прозе протопопа Аввакума и попало в устно-поэтические тексты.

Влияние устного народного творчества на произведения русской демократической литературы XVII в. широко признано; случаи же обратного воздействия для указанного времени единичны. Поэтому тексты Сборника представляют несомненный интерес в плане изучения вопроса об отношениях книжной и устных традиций в этот, во многом переломный для отечественной культуры, период. А еще столетие спустя вполне сейчас поддающаяся восстановлению история создания и бытования дошедшей до нас копии книги, выступает уже в качестве одного из примеров взаимодействия «низовой» и «высокой» культуры⁴⁷.

За рамками настоящих заметок остались многие аспекты темы, полученные результаты, приемы и методы, используемые в ходе выполнения данного историко-биографического (пока не полностью завершено) исследования. Но уже сейчас можно заключить, что его проведение «на стыке» истории, источниковедения, других специальных и вспомогательных исторических дисциплин, филологических наук и искусствоведения, оказалось весьма продуктивным. Удалось осуществить считавшуюся «нерешаемой» задачу реконструкции основных этапов жизненного и творческого пути Кирши Данилова, с именем которого связан сборник «Древние российские стихотворения» (Сборник Кирши Данилова), – один из ключевых памятников, оказавших влияние на формирование националь-

⁴⁴ Ржига В. Ф. Повесть о Горе и Злочастии и песни о Горе // «Slavia». Прага. 1931. Вып. 1. С. 55; Вып. 2. С. 313.

⁴⁵ Панченко А. М. Повесть о Горе-Злочастии // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб, 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П – С. С. 106–108.

⁴⁶ Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб., 1904. С. 325–329 (№ 82).

⁴⁷ В том числе и буквально на самом «высоком» уровне: есть основания полагать, что копия Сборника использовалась в литературном творчестве императрицы Екатерины II.

ной идентичности; воссоздать почти четырехвековую историю рода Кирши – более чем десятка поколений скоморохов и певцов-потешников (от представителей одной из ветвей рода фольклористы записывали старины на Европейском Севере еще в 20–30-е гг. XX в.); и, тем самым, «биографию» Сборника. Методика исследования, близкая к тому, что у школы «Анналов» выступало в виде принципа «тотальной» истории, позволяет, кроме всего прочего, существенно расширить и дополнить представления о конкретном содержании культурно – исторических процессов в России на протяжении длительного периода⁴⁸.

⁴⁸ В качестве примеров некоторых «производных» от основных результатов, полученных в ходе исследования, назову установление местонахождения тайного уральского предприятия А. Н. Демидова по извлечению серебра из колыванской черной меди, или наличия на горных заводах технологий и массово применяемых вновь изобретенных производственных процессов, оставшихся неизвестными даже специалистам по истории техники XVIII в.